

УДК 82.09

Миленко Виктория Дмитриевна

Кандидат филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: vika-milenko@yandex.ru

**СУДЬБА ПОСЛЕДНЕЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ КВАРТИРЫ
А. Т. АВЕРЧЕНКО В ТОЛСТОВСКОМ ДОМЕ:
НОВЫЕ ФАКТЫ**

В статье впервые прослеживается судьба обстановки квартиры А. Т. Аверченко в Толстовском доме (Санкт-Петербург), покинутой им в сентябре 1918 года. Анализируя творчество писателя, мемуары современников, документы, автор не только воссоздаёт планировку и атмосферу квартиры, но и высказывает ряд предположений о причинах утраты личной библиотеки и дореволюционного архива писателя. Впервые вводятся в научный оборот материалы личных бесед автора статьи с потомками горничной Аверченко, спасшей обстановку его столовой, а также фото сохранившихся мемуаров, позволяющие судить о бытовых пристрастиях Аверченко и особенностях его личной жизни. Предпринимается попытка атрибуции и примерной локализации мемуаров в квартире писателя.

Ключевые слова: А. Т. Аверченко, Толстовский дом, семейная легенда, мемуары, семейный архив.

Victoriya D. Milenko

PhD in Philology science, Associate Professor,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

**THE FATE OF THE LAST PETERSBURG'S FLAT
OF A. T. AVERCHENKO IN THE TOLSTOY'S HOUSE: NEW FACTS**

Abstract. *The article traces for the first time the fate of the furnishings of A. T. Averchenko's St. Petersburg flat in the Tolstoy's house, which he leaved in September 1918. Analyzing the writer's work, memoirs of contemporaries, documents, the author not only recreates the layout and atmosphere of the flat, but also makes a number of assumptions about the reasons for the loss of the writer's personal library and pre-revolutionary archive. For the first time, materials of personal conversations between the author and the descendants of the Averchenko's maid, who saved the furniture of his dining room, are introduced into scientific circulation, as well as photos*

of surviving memorials, which allow to judge the psychological characteristics of Averchenko, his everyday preferences, and personal life. An attempt is made to attribute and approximate localization of memorials in the writer's flat.

Key words: *A. T. Averchenko, Tolstoy's House, family legend, memorials, family archive.*

Для цитирования:

Миленко, В. Д. Судьба последней петербургской квартиры А. Т. Аверченко в Толстовском доме: новые факты // Гуманитарная парадигма. 2021. № 2 (17). С. 143–160.

...я, например, люблю уют больше всего на свете.

Арк. Аверченко, 1918

Толстовский дом, доходный дом графа М. П. Толстого в Санкт-Петербурге, расположен по адресу: ул. Рубинштейна (бывшая Троицкая), 15–17 / набережная реки Фонтанки, 54. Построенный в 1910–1912 годах по проекту Ф. И. Лидваля, он стал шедевром «северного модерна», украшением столицы. Одним из самых известных его жителей был и остаётся Аркадий Аверченко. В этом качестве писатель присутствует в трудах историографа Толстовского дома М. Н. Колотило [21, с. 255–262], в краеведческих фильмах с участием её супруга Л. Г. Колотило [15], а также в экспозиции недавно созданного по их инициативе народного музея.

В 2010 году наше сотрудничество с М. Н. Колотило позволило включить уникальный материал о жизни писателя на Троицкой в его первую отечественную биографию [27, с. 146–150]. Удалось рассказать о том, как Аверченко поселился здесь летом 1913 года, кто бывал у него в гостях, с кем он соседствовал, при каких обстоятельствах в сентябре 1918 года навсегда покинул свою квартиру и наконец о том, как часть обстановки, спасая её от реквизиции, вывезла горничная писателя Надя. Более ничего тогда не выяснилось — жильцы бывшей квартиры Аверченко ничего о писателе не знали, не представлялось возможным и установить фамилию горничной Нади.

С тех пор нами велась регулярная системная работа по воссозданию биографии писателя и возвращению его наследия. Понимая, что рано или поздно заявит о себе проблема увековечения имени Аверченко, мы всегда уделяли особое внимание адресам, по которым могли бы появиться памятные обозначения, и мемориям (личным вещам), что могли бы составить основу музейной экспозиции. Так были установлены и по возможности исследованы мемории, хранящиеся у родных писателя, а также в фондах Российского

государственного архива литературы и искусства и Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля [33, с. 472–486]. Что же касается обстановки квартиры Аверченко в Толстовском доме, то о ней приходилось лишь мечтать.

В апреле этого года мечты стали явью: нашлись потомки горничной Нади. Нам посчастливилось познакомиться с Ниной Павловной К. из Санкт-Петербурга¹, муж которой был внуком Нади, а свекровь — её дочерью. За этой сенсацией последовало подлинное чудо: некоторые вещи писателя сохранились до сих пор, и Нина Павловна предоставила в наше распоряжение их фото- и видеосъёмку. Кроме того, она поделилась документами из семейного архива, в частности, фотографией Нади. Все эти ценнейшие данные мы впервые вводим в научный оборот, полагая, что решаем тем самым несколько задач:

- восстанавливаем внешний облик и краткую биографию горничной Аверченко, игравшей важную роль в его повседневной жизни, упоминавшейся в его творчестве, а также письмах и мемуарах современников писателя;

- публикуем фото обнаруженных меморий писателя, предпринимая попытку их атрибуции и примерной локализации в его квартире;

- анализируем их внешний вид на предмет психологических особенностей и бытовых пристрастий владельца, параллельно высказывая предположения относительно его личной жизни.

Аркадий Аверченко поселился в квартире № 203 Толстовского дома в середине июля 1913 года. Дату называем с уверенностью, потому что писатель сам уведомил корреспондентов и поклонников о переезде [29, с. 15]. Новоселье Аверченко справил в непростое и переломное для себя время. Он только что покинул «Сатирикон» и стал совладельцем и редактором собственного «Нового Сатирикона». Всё в жизни начиналось с чистого листа, и новая квартира в роскошном новом доме призвана была отвечать его новому статусу.

В отличие от «Сатирикона», где писатель работал по найму и куда обязан был ежедневно ходить на службу, теперь он предпочитал по всем делам принимать дома, на Троицкой. Поэтому о его квартире сохранилось немало воспоминаний; самое подробное оставил Е. Д. Зозуля, пришедший сюда искать удачи в начале 1914 года:

¹ Все контакты Нины Павловны есть у автора статьи.

Выражаем огромную признательность за содействие в этом знакомстве Татьяне Александровне Каймановой (Пенза).

«Квартира Аверченко... производила очень уютное впечатление. В комнате побольше, куда был ход из передней, была столовая и приемная. Рядом, в комнате поменьше — с всегда открытой дверью — за письменным столом у окна работал Аверченко, а в следующей, последней комнате была спальня. Дверь в нее тоже всегда была открыта, и виднелись штанги разных размеров, гантели и стул или два, заваленные газетами и книгами.

Стены во всей квартире вместо обоев были обтянуты сукнами. В спальне — синего цвета, в столовой — кремового, а в средней, рабочей комнате — лилового, или в этом роде» [20, с. 176].

Фотографий интерьеров квартиры пока не обнаружено. Однако её описание Зозулей подтверждается архитектурным планом, предоставленным нам М. Н. Колотило. Действительно, в квартире Аверченко была прихожая (12 м²), три комнаты (17,2 м², 17,9 м² и 17,4 м²), ванная и туалетная комната (5 м²) и «чёрная половина» (общей площадью 27,6 м²). В целом более чем скромно. У Максима Горького, например, в эти же годы на Кронверкском проспекте было 11 комнат, у Леонида Андреева — собственный «замок». Художник-сатириконец Ре-Ми называл квартиру Аверченко «маленькой, холостяцкой» [22, с. 53]. Пожалуй, поначалу так и было. Однако есть основания утверждать, что позже здесь появилась женщина (об этом ниже).

Не самым удачным было и расположение квартиры: окна всех комнат выходили на одну сторону, во внутренний двор, т. е. писатель любовался видом стены напротив. И тем не менее современники в голос твердили, что он жил в буржуазной роскоши. Его младшей сестре, приезжавшей из Севастополя погостить, квартира показалась фантастической: лифт, собственный телефон, даже пылесос [16, с. 99]. Последний, кстати, вызывал священный трепет и у самого Аверченко. Наблюдая за уборкой своей квартиры, он называл чудо-аппарат «прекрасным, волшебным зрелищем» [11, с. 4].

Таким образом, у молодого барина, любившего все технические новинки, служила, активно пользуясь достижениями нового века, горничная Надя, к которой и переходим. Благодаря тому же Зозуле известно, что в начале 1914 года она уже была на Троицкой:

«Дверь мне открыла горничная Надя, небольшого роста блондинка с умными, зоркими глазами. До моего прихода она говорила по телефону, и, впустив меня без всяких расспросов в столовую, поспешила продолжать разговор.

Телефон стоял на столе Аверченко, и для того, чтобы держать трубку постороннему человеку, т. е. не сидящему за столом, нужно было нагнуться. Как-то так неудобно был расположен аппарат. И Надя говорила, нагнувшись

над плечом Аверченко. Разговор был не деловой. Речь шла о родственниках Нади, о поклонах какой-то куме, о чьем-то приезде.

В дальнейших моих посещениях Аверченко... я не раз видел Надю в такой позе, что не мешало Аверченко работать. Надя, простая девушка, но очень тактичная и умная, держала себя свободно, с достоинством, чувствовала себя как дома и поддерживала в квартире и в обращении с многочисленными и разнообразными посетителями удивительно теплый тон. Это было характерно для Аверченко, ибо источником этого тона был, конечно, хозяин» [20, с. 176].

Повышенное внимание Зозули к обычной горничной берёмся объяснить тем, что он стал секретарем редакции «Нового Сатирикона», а Надя была кем-то вроде домашнего секретаря его шефа. Они должны были постоянно взаимодействовать. Кроме того, от Нади многое зависело — она имела влияние на Аверченко. Об этом можно судить не только по телефонным разговорам чуть не лежа на плече хозяина, но и по её присутствию в его творчестве. Так, в фельетоне «Окружающие» (1915) она демонстрирует весьма практичный ум: узнав, что барин хочет жениться, тут же требует прибавки к жалованию [8, с. 25]. В «Приезжем Сельдяеве» (1915) держит глухую оборону в приёмной, не пуская докучливого визитёра в кабинет Аверченко [10, с. 40]. В «Когда мне жарко» (1917) гоняет полотенцем мух [4, с. 11]. А в «Моей старой шкатулке» (1920) и вовсе становится полноценным персонажем:

«У меня есть старая шкатулка палисандрового дерева, выложенная по крышке инкрустацией² — совсем такая, какую возил с собой Павел Иванович Чичиков.

Я свою тоже теперь вожу с собой. С сентября позапрошлого (1918-го. — В. М.) года. А раньше она стояла в углу кабинета моей петербургской квартиры и служила хранилищем трофеев, побед моей горничной надо мной. Дело в том, что у меня с моей горничной шла глухая, тайная, незаметная, но свирепая и неумолимая борьба. Всякий из нас терпел свои поражения и одерживал победы, но на ее долю побед приходилось больше, чем поражений.

Каждый день утром, сидя за письменным столом, я просматривал корреспонденцию и прочитанное, ненужное бросал на пол; просматривал поданные счета и, отметив в записной книжке итоги на предмет уплаты, счета бросал на пол; вынимал содержимое боковых карманов, отбирал ненужное — бросал на пол. И уходил из дому.

А потом являлась горничная, тщательно подметала пол, а все брошенное не менее тщательно собирала и аккуратной пачкой засовывала между подсвечником и часами, около чернильницы на письменном столе.

² Судьба шкатулки неизвестна. В описи вещей, оставшихся после смерти Аверченко в Праге, её нет.

Приходил я. Замечал засунутую пачку. Бросал на пол.

Приходила она. Собирала с полу. Засовывала между подсвечником и часами.

Приходил я и, признав себя побежденным, совал всю пачку в старую шкатулку палисандрового дерева с инкрустацией.

Замечательнее всего, что у нас с горничной никогда не было разговора об этом. Ведь смертельно враждующие армии не ведут между собой никаких переговоров. Не правда ли?» [7, с. 27].

На эту-то «победительницу» Аверченко в сентябре 1918 года и оставил квартиру (как это не раз бывало, когда он ездил на гастроли). К тому времени Толстовский дом уже был национализирован, никаких гарантий сохранности имущества никто не давал, поэтому хозяин квартиры не мог не тревожиться.

Потом началась Гражданская война, и Аверченко отрезало фронтами от Петербурга. Летом 1919-го, через год после расставания с Толстовским домом, живя в родном Севастополе, он представлял, каким будет возвращение:

«...идет все дальше, все дальше петербуржец — и вот уже его улица, вот уже его дом, уже виднеются окна его квартиры, где любовно и хлопотливо вил он семейное гнездо свое, где любил, боролся, падал и снова поднимался...

“Что там, что там, что там?”...

Цела ли обстановка? Осталось ли там хоть что-нибудь? И чудится ему отбитая штукатурка, разобранный паркет, которым вместо дров топили печи, ободранные обои, разбитые грязные стекла и сорванные с петель двери...» [1, с. 2].

Писатель мечтал о возвращении, хотя всё меньше в него верил. Признавался: «Вот уже несколько месяцев, как Петербург перестал мне сниться — это значит — ждал я, ждал, трепетно ждал свидания с ним — и перегорело, наконец, все в сердце моем, копать одна осела, как на лампе, которую оставили гореть всю долгую ночь» [9, с. 2].

Вернуться было не суждено. В ноябре 1920 года Аверченко вместе с Русской армией генерала П. Н. Врангеля оказался в эмиграции. Уже в Константинополе он узнал, что 19 ноября 1920 года Совнарком издал Декрет «О конфискации всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы Республики или скрывающихся до настоящего времени». Аверченко понимал: выяснить, что он бежал, особого труда не составит. Поэтому даже если Надя что-то сохранила, теперь точно отберут. Затем газеты донесли до него вести о том, что имущество можно вернуть, если доказать право собственности, например, своим фото вместе с этим имуществом. Писатель негодовал: «Была у меня моя собственная мебель. Вор Ленин и громила Троцкий украли ее, а теперь одумались: мы тебе вернем мебель, только докажи нам, что она твоя,

покажи фотографию с мебели... О, трижды кретины! Да что моя мебель — любимая женщина, что ли, что я должен ее фотографию хранить?! Вы бы лучше не воровали чужого» [2, с. 2].

О том, что на самом деле случилось с его квартирой, Аверченко узнал только в конце 1922 года, когда уже переехал в Прагу и возвращаться в Петербург более не собирался. 7 ноября 1922 года актриса М. С. Марадудина, его близкая подруга, оставшаяся в России, написала ему: «Обстановка твоя вся у Нади, она замужем и я не решаюсь что-нибудь по поводу твоих вещей говорить без твоих полномочий. Теперь все люди ведь изменились. Живет она на Поварском номера не помню. Можешь ей написать и мне прислать — я передам»³ [33, с. 388].

Аверченко в ответном письме просил Марадудину подробнее разузнать судьбу его обстановки. 16 марта 1923 года та сообщила: «Надю я не вижу, боюсь ее мужа (она ведь замужем). Ты напиши ей и пришли мне письмо я ей передам и тогда выясню как и что с твоими вещами. Теперь ведь и законы и люди иные. Если я без твоих полномочий приду меня и выгнать могут, теперь это сплошь так» [33, с. 403].

На это Аверченко написал, чтобы Марадудина в первую очередь выяснила, уцелели ли его собственные книги — в эмиграции он оказался практически без оных, собирал их повсюду. Наде он также написал и своей мебелью распорядился, потому что в третьем письме ему от Марадудиной от 23 июня 1923 года читаем: «Надю я разыскала, снесла ей твое письмо; она была рада очень и письму и мне. У нее хороший ребенок 8 мес. Книг твоих очевидно нет, говорит она, что есть только комплект Сатирикона. Остальное погребло. Твою столовую мебель видела уже в довольно запущенном виде. Что еще сохранилось, боялась спрашивать. Спальню всю она говорит взял Гришин» [33, с. 416].

До недавнего времени была ясность лишь в том, кто взял спальню. Антрепренёр А. И. Гришин, приятель Аверченко, в 1919–1921 годах служил управляющим Большим драматическим театром в Петрограде. Потом он эмигрировал в Латвию, где они с Аверченко виделись в январе 1923 года, до второго письма Марадудиной. Полагаем, что судьбу своей спальни писатель выяснил⁴.

Однако у нас всегда возникал вопрос: если Надя забрала столовую, а Гришин спальню, то кто взял кабинет, а вместе с ним архив и библиотеку?

³ Здесь и ниже сохраняем особенности написания оригинала.

⁴ По воспоминаниям, в спальне, кроме упомянутых Е. Д. Зозулей штанг и гантелей, были гардероб, граммофон [30, с. 4]. Сам Аверченко упоминал туалетный столик, надкроватный светильник с голубым колпачком [6, с. 3].

Фраза из письма Марадудиной о том, что всё это погибло, звучит неубедительно. Конечно, во время Гражданской войны отапливались всем, что горело, но как Надя могла осмелиться сжечь книги и рукописи своего барина — его главное богатство?.. Не посмела бы. Как мы увидим ниже, она сохранила даже малоценные журналы из его приёмной. И потом — книги из библиотеки Аверченко то и дело обнаруживаются в наши дни [19].

Так впервые возникает таинственный Некто, решивший судьбу кабинета Аверченко.

Теперь переходим к удивительному открытию апреля этого года — архиву и воспоминаниям Нины Павловны К. Напомним: её муж, Сергей Николаевич, был внуком горничной Нади, а свекровь Вера Ивановна — тем самым «хорошим ребёнком», упомянутым в письме выше Марадудиной.

В первую очередь Нина Павловна предоставила фото Нади с мужем. На обороте есть карандашная запись рукой их дочери: «Папа и Мама после свадьбы в 1919 г.» [26]. И рядом уточнение той же рукой, но уже шариковой ручкой: «Корзины Иван Григорьевич и Надежда Петровна. г. Петроград. Венчались во Владимирской церкви в 1919 г.» [Там же]. Судя по одежде, венчались летом, т. е. именно тогда, когда Аверченко в Севастополе с тревогой представлял, что случилось с его квартирой. И венчались в церкви рядом с Толстовским домом.

Итак, девушка из мемуаров Зозули и фельетонов Аверченко ожила. Первое, на что мы обратили внимание, — тот самый зоркий взгляд, точно подмеченный Зозулей. Затем озадачило другое: для простой девушки и для непростого, голодного времени Надя очень хорошо, даже богато одета: платье с кружевным лифом и рукавами, декоративной розой на поясе, нитка жемчуга на шее,

*Горничная Аркадия Аверченко Надя с мужем.
Петроград, 1919 год.
Из личного архива Нины Павловны К.
Публикуется впервые.*

брошь, браслет, перстни. Конечно, это свадебное фото, конечно, качество драгоценностей определить невозможно, и всё же. Определённо, на фото изображена «горничная из хорошего дома», которую баловал барин (или его женщины и коллеги).

А вот на муже Нади пиджак явно с чужого плеча. По словам Нины Павловны, он был большевиком [25]. Скорее всего, именно этим объясняется страх Марадудиной («Что еще сохранилось, боялась спрашивать» [33, с. 416]). И возможно, именно он помог вывезти мебель Надиного барина буквально накануне реквизиции.

Полагаем, это произошло в 1921 году, ровно 100 лет назад. Именно тогда началось заселение подъезда, в котором жил Аверченко, транспортными рабочими и сотрудниками ЧК. Однако мы с трудом представляем, чтобы Надя сама приняла решение спасти обстановку, вызвала Гришина забирать спальню и т.д. Здесь снова возникает Некто, разрешивший это сделать. Некто, отдавший Наде столовую, т. е. «царство», в которой она годами обитала. Не нуждавшийся почему-то в спальне, но забравший кабинет с наиболее ценными вещами. Здесь, по словам Аверченко, висели работы И. Е. Репина, А. Н. Бенуа, сатириковцев М. В. Добужинского, И. Я. Билибина [5, с. 2]. Писателю Л. И. Борисову, побывавшему на Троицкой ещё в бытность гимназистом, запомнились развешенные рисунки «Реми, Радакова, Юнгера, Мисс, сотрудников немецкого “Симплициссимуса”» [17, с. 127]. Разумеется, была здесь библиотека, в которой изрядное место занимали книги самого Аверченко. В рабочем столе наверняка были рукописи, деловые бумаги, письма. Был в кабинете, по воспоминаниям, ещё столик-конторка, а в фельетоне «Я разговариваю с Керенским» (1917) Аверченко упоминал пианино [14, с. 6]. Вот эта-то последняя деталь и выводит нас на личность таинственного Некогого.

В 2016 году стало известно, что на момент эмиграции писатель жил в гражданском браке с известной оперной певицей Е. Ф. Петренко [28]. Оба настолько тщательно скрывали свои отношения, что память о них осталась лишь у потомков певицы, рассказавших, что Аверченко и Петренко «жили как муж и жена, но не венчались» [28, с. 35]. Наличие пианино в кабинете (святая святых!) писателя косвенно подтверждает эту семейную легенду. А более всего её подтверждают некоторые из тех вещей, что сохранились у Нины Павловны К., о которых речь далее.

Е. Ф. Петренко, в отличие от гражданского мужа, осталась в России. В её архиве представлено удостоверение, выданное 28 июня 1921 года Московским театром музыкальной драмы в том, что ей в связи с переездом в Москву требуется вывезти обстановку своей петроградской квартиры на улице

Офицерской [32, л. 1]. Этот документ позволяет утверждать, что, во-первых, летом 1921 года Петренко приезжала в Петроград, во-вторых, у неё было слишком много своих вещей, чтобы вывозить мебель с Троицкой, из квартиры Аверченко. Она-то, вероятнее всего, и забрала архив писателя, его книги, а Наде с Гришиным, логично предположить, разрешила забрать остальное.

Нашу версию отчасти подтверждают сохранившиеся у потомков певицы два шаржа работы Михаила Линского, в рамках и с петельками [18, с. 5]. Они могли висеть в кабинете Аверченко, дружившего с их автором. Какова судьба остального имущества, приходится лишь гадать. Петренко, сделав блестящую карьеру в советской Москве, скрывала свою связь с Аверченко, потому его архив, вероятнее всего, прятала. Мы даже можем предположить где, но эта тайна ещё ждёт своего часа. Отметим лишь, что свой приезд в Петроград в 1921 году певица не афишировала, поэтому, вероятно, и Надя ввела в заблуждение Марадудину, сказав, что кабинет погиб. Она просто выполняла волю своих хозяев.

Вернёмся к Наде. Благодаря Нине Павловне мы теперь знаем адрес, по которому она проживала с мужем: Поварской переулок, 8, кв. 12. Это недалеко от Толстовского дома, поэтому Наде удалось забрать — просто перенести — даже мелочи.

«Вера Ивановна (дочь Нади, свекровь Нины Павловны. — В.М.) рассказывала, что Аверченко сказал маме, мол, бери, Наденька, что хочешь», — вспоминает Нина Павловна [25]. Вероятно, такое разрешение

Вера Ивановна К., дочь горничной Аверченко, сохранившая его вещи. Из личного архива Нины Павловны К. Публикуется впервые.

содержалось в том самом письме Аверченко из-за границы, что передала горничной Наде М. С. Марадудина. Воля владельца должна была быть явлена письменно — Надя не могла не знать о том, что в Севастополе у писателя есть мама и сёстры. Не говоря уже о гражданской жене Е. Ф. Петренко (если наша версия о ней верна). Аверченко же разрешил, потому что в конце 1923 года собирался уезжать в США. И таким образом он мог просто поблагодарить горничную за верную службу и поздравить со свадьбой. Вскоре Аверченко умер, об этом сообщали все крупные советские газеты. И вещи писателя так и остались в Поварском переулке.

Во время блокады, 12 февраля 1942 года, Надя, Надежда Петровна, умерла от голода (сохранилось свидетельство о смерти). Её муж

также скончался. А их дочь Вера выжила. После войны в квартире на Поварском у неё выросли дочь Алла и сын Сергей, муж Нины Павловны К. «Когда Сергей первый раз привёл меня к себе домой, я удивилась: столько старинных вещей, — вспоминает Нина Павловна. — Свекровь мне тогда и рассказала, откуда они. А когда мы получили свою квартиру, она нам кое-что подарила и сказала: “Теперь Аверченко к вам переехал”. Вот вернуться бы лет на 30 назад, всё бы расспросила, а тогда мне эта фамилия ни о чём не говорила. В школе Аверченко не было, так что я ничего и не спрашивала больше. И Сережа уже не расскажет, ушёл 5 лет назад. И Аллочки уже нет...» [25].

Удивительным является то, что Вера Ивановна вообще что-то сохранила: ведь в блокаду люди выменивали на продукты последнее, а из мебели уцелеть могло лишь то, что не горит, и не было использовано для растопки.

Итак, что же уцелело?

У Веры Ивановны было двое детей, поэтому вещи Аверченко унаследовали две семьи. У Нины Павловны К. хранятся:

1. **Карманные часы фирмы «Côte»** (парижской «Fabrique de la Côte»). Без крышки. Объясняем это бытовой ленью Аверченко, не желавшего каждый раз нажимать на кнопку, открывать и закрывать крышку.

Стекло повреждено — возможно, самим владельцем, поэтому часы им уже не использовались. Эту версию подтверждает отсутствие цепочки; на неё были пристёгнуты новые часы. Судя по дореволюционным портретам писателя, он любил длинные («двойные») цепочки с брелоками, а часы помещал не в нижний карман жилета, как это обычно делалось, а в верхний.

Старые фотографии подарили нам открытие: разыскивая на них карманные часы Аверченко, мы обнаружили настенные.

2. **Настенные часы фирмы «C[ompany] Simson»** попали на фото 1911 года, которое в несколько уменьшенном виде было опубликовано в «Синем журнале» в качестве иллюстрации к «Рассказу Аркадия Аверченко о бильярдной игре, о бильярдных игроках, о бильярдных неудачниках и о

*Карманные часы Аркадия Аверченко.
Из личного собрания Нины Павловны К.
Публикуется впервые.*

прочем...» [12, с. 11]. На фото изображены Аверченко и редактор «Синего журнала» В. А. Регинин, играющие на бильярде.

Приходится предположить, что фото сделано на набережной реки Фонтанки, 80, где в то время находились редакции «Сатирикона» и «Синего журнала». Вполне вероятно, что после ссоры с издателем и уходом из «Сатирикона» Аверченко забрал часы (может быть, он их некогда покупал или это был подарок лично ему.)

По словам Нины Павловны, в часах очень громкий механизм, спать невозможно, поэтому их остановили. Внутри есть заводной ключик. Там же обнаружено тиснение «16/4» (возможно, заводской номер).

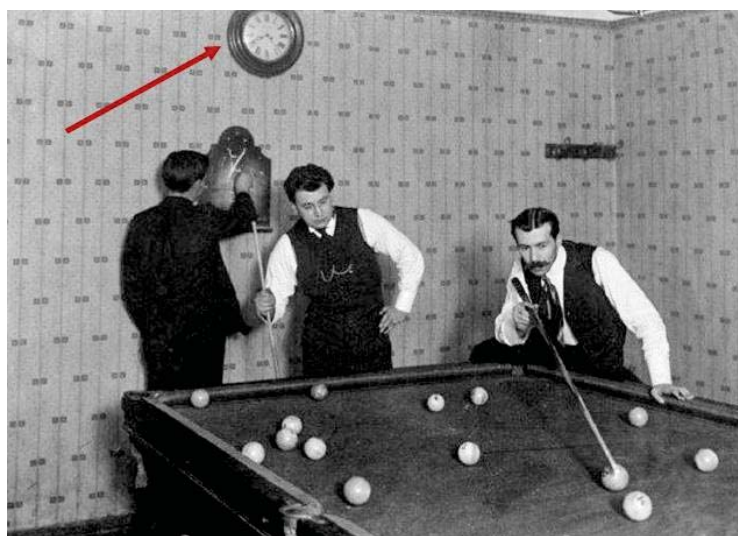

Фото из «Синего журнала» (с изображением настенных часов) и настенные часы Аркадия Аверченко (из личного собрания Нины Павловны К.). Публикуется впервые.

3. Графин (горный хрусталь).

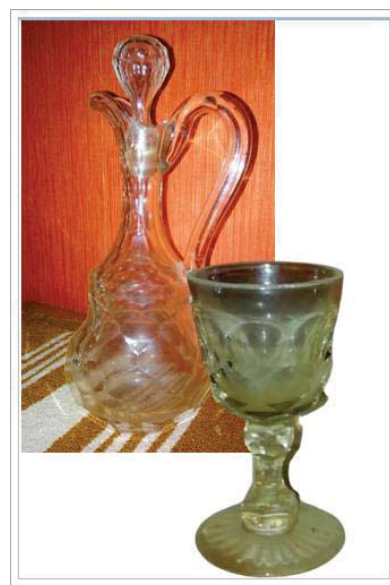
Необыкновенно красив: силуэтом напоминает птицу. Клейма производителя нет.

4. Рюмка (горный хрусталь).

Судя по объёму (около 20 г), рюмка ликёрная или для наливки.

5. Четыре декоративные тарелки (десертные) французского фарфорового завода «Sarrecuemines» («Саргемин»).

Объёмные, узор — райские птицы. «Свекровь их доставала по самым торжественным случаям, — вспоминает Нина Павловна. — Свадьбу мы в 1978 году на этих тарелках отмечали» [25].

Рюмка и графин.

Из личного собрания Нины Павловны К.

Публикуется впервые.

6. **Пепельница металлическая декоративная, изображающая арапчонка с разбитым яйцом (со следами напыления золотистого цвета).** Пожалуй, самая оригинальная из сохранившихся вещей, где-то даже юмористическая: арапчонок явно удивлён, не понимает, кто же вылупился из яйца.

7. **Шкафчик настенный (морёный дуб).** Единственный уцелевший предмет мебели. Морёный дуб не горит, потому, скорее всего, и сохранился. Вера Ивановна держала в нём аптечку.

8. **Подставка для цветов деревянная со стеклянной вставкой с изображением хризантем.** Нина Павловна использует её на даче.

Декоративная тарелка (1), пепельница (2), подставка для цветов (3) и настенный шкафчик (4). Из личного собрания Нины Павловны К.

Публикуется впервые.

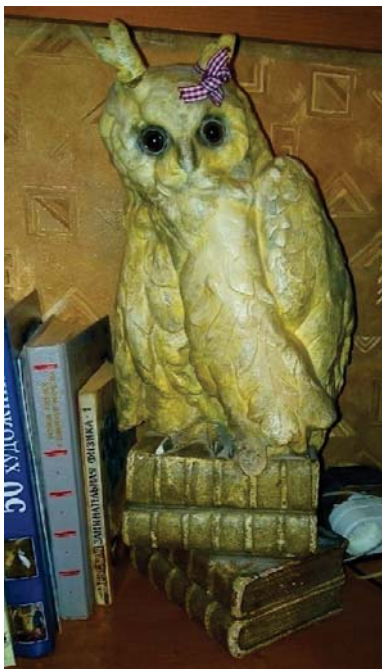
9. **Ночник электрический фирмы «ЖАМК» в виде совы, сидящей на стопке книг.** В рабочем состоянии. При виде включенного ночника (достаточно зловещее зрелище: светятся оранжевые злые глаза) невольно припомнилось, что сова — один из ёмких масонских символов. А вслед за этим припомнился фрагмент из рассказа Аверченко «Семь часов вечера» (1915):

«Все бросили меня, бедного, никому я не нужен, всеми забыт... Плакать хочется.

Даже горничная ушла куда-то. Наверное, подумала: брошу-ка я своего барина, на что он мне — у меня есть свои интересы, а мне до барина нет никакого дела. Пусть себе сидит на диване, как сыч.

Боже ж ты мой, как обидно!» [13, с. 2].

Приведённый фрагмент интересен и тем, что в нём снова упоминается Надя, и тем, что устойчивое сравнение «один, как сыч» для идиостиля

*Электрический ночник
в нерабочем и рабочем
состоянии.*

*Из личного собрания Нины
Павловны К.*

Публикуется впервые

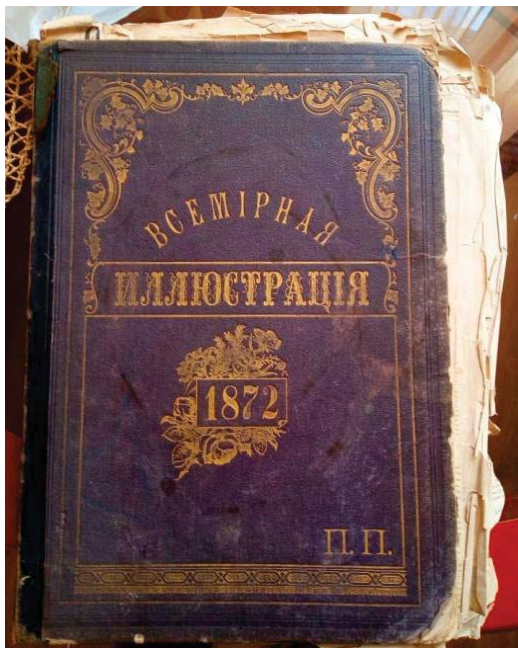

Аверченко абсолютно не характерно. Кто знает, не на этот ли ночник упал его взгляд во время написания рассказа. Если это так, то он стоял в спальне: рассказчик лежит в спальне на диване.

10. Комплект журнала «Всемирная иллюстрация» за 1872 год в переплёте; в правом нижнем углу тиснение «П. П.». Инициалы владельца позволяют предположить, что им был поэт-сатириконец П. П. Потёмкин. В пользу этой версии говорят и карандашно-чернильные пометы на шахматной задаче Сэмюэля Лойда № 187: Потёмкин был членом Петербургского шахматного собрания. Однако комплект был переплетён задолго до его рождения в 1886 году; возможно, по заказу отца поэта — П. Д. Потёмкина.

Аверченко также увлекался шахматами, составлял шахматные задачи. Возможно, задачу Лойда они с Потёмкиным пытались решить вместе, поэтому журнал остался в квартире писателя на Троицкой. А возможно, Аверченко рассматривал подшивку в качестве образца иллюстрированного журнала, который хотел выпускать. В 1920 году он рассказывал:

«Хороший журнал — “L’Illustration”... Я сам в Петербурге перед большевистской революцией собирался издавать такой журнал.

И бумагу уже припас, и цинкографию, и типография своя была — сиди себе да издавай. Но явились большевики» [3, с. 2].

Возможно, впрочем, и то, что «Всемирная иллюстрация» просто лежала в приёмной для развлечения посетителей (об этом ниже). Ещё раз отметим: если Надя сохранила даже эту подшивку, то ни о какой сожжённой библиотеке хозяина речи быть не может.

Итак, мы привели перечень вещей Аверченко, унаследованных Сергеем Николаевичем К., внуком Нади, сегодня бережно сохраняемых его женой Ниной Павловной. Функциональное назначение большинства из

них сомнений не вызывает. Это остатки столовой, воссоздать интерьер которой позволяют мемуары. Напомним, Зозуля вспоминал, что она была совмещена с приёмной, что стены здесь были обтянуты сукном кремового

*Комплект «Всемирной
иллюстрации».*

*Из личного собрания Нины Павловны К.
Публикуется впервые.*

цвета. Л. И. Борисов описывал детали обстановки: «...стояли два дивана, несколько стульев и два кресла, обитых черной кожей. На столике

у окна лежали номера разных журналов» [17, с. 125].

Сохранившиеся мемории здесь вполне представимы. Настенные часы — для ожидающих приёма, объёмная пепельница для них же. Здесь же, на столике у окна, полагаем, лежала «Всемирная иллюстрация». Рядом стояли цветы на подставке. Поскольку приёмная была совмещена со столовой, то настенный шкафчик висел здесь же, а в нём — рюмки из горного хрусталя (в таких шкафчиках обычно хранили наливки). Не могло не быть в столовой и посудного шкафа (буфета), в котором, возможно, стояли декоративные тарелки с райскими птицами и графин.

Трудно не заметить, что в этой виртуально воссозданной нами столовой чувствуется женская рука. В противном случае придётся говорить о каком-то лирично-романтическом, сентиментальном «короле смеха», старавшемся в мрачном Петербурге создать островок юга и солнца, разводившем цветы. Эти качества немедленно вступят в противоречие со штангами, гантелями, шахматами и очень трезвым подходом к жизни Аркадия Аверченко. Посему берёмся предположить, что некоторые из меморий (графин, тарелки, подставка для цветов) говорят о совместном проживании писателя с Е. Ф. Петренко.

В то же время не можем ничего утверждать, ибо документальных свидетельств пока не найдено. Кто знает, возможно, именно таковы были вкусы писателя. На это как будто намекают и мемуаристы, вспоминая его прекрасные костюмы, фрак, лакированные туфли. Тэффи рассказывала, что он делал завивку волос (это подтверждают фотографии), что ему дарили драгоценности [31]. Лидии Лесной запомнилась трость с набалдашником в виде перевёрнутой женской туфельки [23, с. 236]. О пристрастии к внешнему блеску говорит и список вещей, оставшихся после смерти Аверченко в Праге. Например, серебряные обеденный прибор, зажигалка, коробок для спичек, портсигар. Или 19 галстуков, или духи, или брелоки для часов с бриллиантом и т. д. [33, с. 474].

*Таинственный Некто – гражданская жена писателя Е. Ф. Петренко.
Из архива автора.*

Таким образом, представляется возможным сделать следующие выводы:

- у потомков горничной Аркадия Аверченко обнаружены ранее неизвестные мемории из петербургской квартиры писателя в Толстовском доме (13 наименований);

- большинство меморий предположительно находилось в приёмной-столовой, обстановку которой, судя по письмам М. С. Марадудиной к Аверченко 1922–1923 годов, и забрала горничная;

- мемории в основном представлены аксессуарами, а мебель, за исключением настенного шкафчика, утрачена;

- дизайн некоторых предметов (тарелок, графина, подставки для цветов) позволяет предположить совместное проживание писателя с женщиной, которой в 1918 году, на момент его бегства из Петрограда, могла быть только оперная певица Е. Ф. Петренко;

- судьба обстановки спальни и кабинета Аверченко остаётся неизвестной;

- фото горничной Нади восстанавливает облик этой девушки, упоминающейся в творчестве писателя, письмах и мемуарах его современников и пр.

В остальном же Аркадий Аверченко во многом всё ещё тайна. И не случайно его пенсне в качестве этакой «вещи в себе» недавно украсило обложку коллективной монографии «Литература в вещах. Личные вещи писателей в собрании Государственного литературного музея» (2020) [24]. Такой выбор стал счастливым — вскоре обнаружили мемории из квартиры в Толстовском доме, и нынешние их владельцы позволили отвоевать у легенды вполне представимый образ живого человека.

Источники и литература

1. Аверченко, Аркадий. Возвращение // Юг. 1919. 18 августа.
2. Аверченко, Аркадий. Волчьи ягоды // Presse du soir. 1922. 24 февраля.
3. Аверченко, Аркадий. Две фотографии (Воспоминания, мысли, параллели) // Юг России. 1920. 21 августа.
4. Аверченко, А. Когда мне жарко // Новый Сатирикон. 1917. № 31. С.10–11.
5. Аверченко, Аркадий. Косьма Медичис // Юг России. 1920. 23 июля.
6. Аверченко, Аркадий. Моя симпатия и сочувствие Ленину. Сочувствует – Аркадий Аверченко // Новый Сатирикон. 1918. № 12. С. 2–3.
7. Аверченко, Арк. Моя старая шкатулка // Аверченко, А. Нечистая сила. Книга новых рассказов. Севастополь: Новый Сатирикон, 1920. С. 27–30.
8. Аверченко, Аркадий. Окружающие // Аркадий Аверченко. Чудеса в решете. Птг.: Издание журнала «Новый Сатирикон», 1915. С. 25–26.
9. Аверченко, Аркадий. Петербург // Юг. 1919. 8 октября.
10. Аверченко, Аркадий. Приезжий Сельдяев // Аркадий Аверченко. Чудеса в решете. Птг.: Издание журнала «Новый Сатирикон», 1915. С. 40–43.
11. Аверченко, Аркадий. Пылесос // Новый Сатирикон. 1915. № 17. С. 4–5.
12. Аверченко, Аркадий. Рассказ Аркадия Аверченко о бильярдной игре, о бильярдных игроках, о бильярдных неудачниках и о прочем... // Синий журнал. 1911. № 5. С. 10–11.
13. Аверченко, А. Семь часов вечера // Новый Сатирикон. 1915. №14. С.2–3.
14. Аверченко, Аркадий. Я разговариваю с Керенским // Новый Сатирикон. 1917. № 41. С. 6–7.
15. Адреса Петербурга. «Толстовский дом»: прогулка от Рубинштейна до Фонтанки с Леонидом Колотило [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bDdZ4rgfJ-o> (дата обращения: 3.05.2021).
16. «Аркадия все очень любили...»: Воспоминания племянника А. Т. Аверченко / Вступит. сл., подгот. к публик. и коммент. В. Д. Миленко // Крымский архив. Историко-краеведческий и литературно-философский журнал. 2010. № 12. С. 98–104.

17. Борисов, Л. И. За круглым столом прошлого. Воспоминания. Л. : Лениздат, 1971. 160 с.
18. Вареник, Олег. Скамья литераторов. Предостережение политического карикатуриста Михаила Линского // Санкт-Петербургские ведомости. 2021. 23 апреля.
19. Гоголин, М. Ю. Аркадий Аверченко: книги, автографы, экспромты (по материалам частного собрания) [Электронный ресурс] // Аверченко и мир: сайт URL: http://vika-milenko.narod.ru/index/avtografy_i_inskripty_arkadija_averchenko/0-65 (дата обращения: 3.05.2021).
20. Зозуля, Е. Д. Сатириконтцы / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. Д. В. Неустроева // Русская литература. 2005. № 2. С. 170–203.
21. Колотило, М. Н. Толстовский дом. Люди и судьбы. СПб. : Искусство России, 2010. 296 с.
22. Левицкий, Д. А. Жизнь и творческий путь А. Т. Аверченко. М. : Русский путь, 1999. 551 с.
23. Лесная, Л. Александр Грин в «Новом Сатириконе» // Воспоминания об А. Грине / Сост., подг. текста, вступл., примеч., подбор фотодокументов В. Сандлера. Л. : Лениздат, 1972. С. 234–240.
24. Литература в вещах. Личные вещи писателей в собрании Государственного литературного музея / Сост., общ. ред., вступит. ст. Л. К. Алексеевой. М. : Литературный музей, 2020. 208 с.
25. Личные беседы автора с Ниной Павловной К. 18 апреля – 20 мая 2021 г.
26. Личный архив Нины Павловны К.
27. Миленко, В. Д. Аркадий Аверченко. М. : Молодая гвардия, 2010. 327 с.
28. Миленко, В. Д. Письма А. Т. Аверченко к Е. Ф. Петренко: неизвестные страницы личной жизни писателя // XII Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сборник научных работ. Севастополь: «Издательство «Шико» Севастополь», 2018. С. 29–45.
29. От редактора // Новый Сатирикон. 1913. № 7. С. 15.
30. Пильский, П. П. А. Т. Аверченко // Сегодня. 1925. 15 марта.
31. Тэффи. Аркадий Аверченко [Электронный ресурс] // ЛитМир: электронная библиотека. URL: https://www.litmir.me/br/?b=182951&p=78#section_21 (дата обращения: 12.05.2021).
32. Удостоверение, выданное Е. Ф. Петренко художественным отделом Театра музыкальной драмы г. Москвы 28.06.1921 г. // ФГБУК «Российский национальный музей музыки». Ф-343-251. ГЦММК КП-8051/255. № ГК 14902670.
33. Хлебина, А. Е., Миленко, В. Д. Беженские и эмигрантские годы Аркадия Аверченко (1918–1925). М. : Дмитрий Сечин, 2013. 542 с.